

Царикаев Алан Таирович

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В ДАРГАВСКОМ КОЛХОЗЕ (ИЗ ИСТОРИИ ПОКАЗАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1937-1938 ГГ.)

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов и материалов периодической печати рассматривается история проведения показательного процесса по делу так называемой "контрреволюционно-вредительской организации в Даргавском колхозе" Орджоникидзевского района Северо-Осетинской АССР. Анализу подвергнуты причины, обусловившие выбор руководства Даргавского колхоза для проведения открытого судебного процесса, роль сельской власти в фабрикации дела и его последствия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 191-193. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Отдавая должное русским философам XVIII века, нужно отметить, что все они придавали значение просвещению. Татищев считал, что главным фактором просвещения является письменность, а также печатанье книг и создание училищ.

Рассуждая об этических вопросах, русские мыслители XVIII века демонстрируют знание европейской философии. Татищев и Кантемир высказывались в пользу принципа «разумного эгоизма», советовали придерживаться древнегреческого принципа «золотой середины» в практической жизни, осуждая, с одной стороны, жадность и стяжательство, а с другой - расточительство и мотовство. Но, как и в других областях, в вопросах этики они не отступают от Священного Писания и основывают свои рассуждения на принципах христианской морали.

Взгляды русских философов XVIII века оставались в целом еще довольно ограниченными и несамостоятельными. Это связано с оторванностью России от передовой научной мысли Западной Европы, немногочисленностью учебных заведений, влиянием православного богословия на образование.

Русская философия первой половины XVIII века еще не отделилась от богословия, но предопределила возникновение светской науки.

Список литературы

1. Кантемир А. Сочинения. СПб.: Изд. А. Смирдина, 1847. Ч. 2.
2. Плеханов Г. В. Сочинения. М. - Л.: ГИЗ, 1925. Т. 21.
3. Попов Н. Татищев и его время. СПб., 1861.
4. Прокопович Ф. Рассуждение о безбожии, сочиненное архиепископом Великого Новгорода и Великих Лук Феофаном Прокоповичем. М.: Императорский Московский университет, 1744.
5. Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического учения в России. М. - Л., 1947.
6. Соловьев С. История России с древнейших времен. М., 1869. Т. 19.
7. Татищев В. Н. История Российская. М.: Имперский Московский университет, 1743. Кн. 1. Ч. 1.
8. Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887.

RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE FIRST HALF OF THE XVIIITH CENTURY: STATEMENT AND RESOLUTION OF BASIC PHILOSOPHICAL QUESTIONS

Margarita Sergeevna Khoteeva, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
National Research Nuclear University "MPhI" in Moscow
ritahms@mail.ru

The author presents the views of the Russian philosophers of the XVIIIth century F. Prokopovich, V. Tatischev and A. Kantemir, gives the analysis of their historical-philosophical ideas and philosophy object and essence reasoning, considers their attitude to the problem of cognition, the role of science and enlightenment, the struggle against superstitions that was especially topical for Russia, and researches their opinions on the questions of ethics and sociology.

Key words and phrases: philosophy object; theology; mind; matter; science; man; state.

УДК 94(47).084.6

Исторические науки и археология

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов и материалов периодической печати рассматривается история проведения показательного процесса по делу так называемой «контрреволюционно-вредительской организации в Даргавском колхозе» Орджоникидзевского района Северо-Осетинской АССР. Анализу подвергнуты причины, обусловившие выбор руководства Даргавского колхоза для проведения открытого судебного процесса, роль сельской власти в фабрикации дела и его последствия.

Ключевые слова и фразы: Большой террор; показательные процессы; «вредители»; лимиты; контрреволюционный; колхоз.

Алан Тахирович Царикаев, к.и.н.
Кафедра новейшей истории и политики России
Северо-Осетинский государственный университет
guldaeva.angel@yandex.ru

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В ДАРГАВСКОМ КОЛХОЗЕ (ИЗ ИСТОРИИ ПОКАЗАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1937-1938 ГГ.)©

Период Большого террора – одна из самых трагических страниц в истории Северной Осетии. Каток сталинских репрессий беспощадно прошелся по судьбам тысяч ее жителей. В 1937-1938 гг. репрессиям подверглись

рабочие, крестьяне, творческая и научная интеллигенция, номенклатурные работники – собственно, все слои населения небольшой республики. Как «буржуазно-националистические элементы» были уничтожены лучшие представители культурной и политической элиты. До настоящего времени точное число репрессированных в этот период неизвестно. В ходе проведения только одной «кулацкой операции» в республике было осуждено 2 002 человека, из которых 856 по первой категории и 1 146 по второй [9, с. 563]. Таким образом, лимиты, первоначально установленные для Северной Осетии приказом НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г., были превышены в 4,3 раза по первой категории и в 2,3 – по второй.

Историкам еще предстоит проделать большую работу по установлению численности репрессированных в республике, исследованию масштабов репрессивных акций против отдельных социальных групп, слоев, национальностей, анализу роли местной номенклатуры в эскалации репрессий, изучению всех проблем Большого террора в Северо-Осетинской АССР (СО АССР).

Одним из самых малоисследованных аспектов Большого террора в Северной Осетии является история организации и проведения районных показательных процессов над «вредителями в сельском хозяйстве» во второй половине 1937 – начале 1938 г. Подсудимыми на этих громких процессах в основном были председатели колхозов, работники наркомата земледелия Северо-Осетинской АССР, агрономы, ветеринары и т.д., обвинявшиеся во «вредительской деятельности» в области колхозного строительства, в системе «Заготзерно» и в животноводстве.

Отправной точкой волны показательных судилищ стала сталинская директива от 3 августа 1937 г. «Об организации открытых процессов о вредительстве в сельском хозяйстве», направленная секретарям обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий. «За последнее время, – отмечалось в документе, – в краях, областях и республиках вскрыта вредительская работа врагов народа в области сельского хозяйства, направленная на подрыв хозяйства колхозов и на провоцирование колхозников на недовольство против Советской власти путем целой системы издевок и глумлений над ними. ЦК считает существенным недостатком руководства делом разгрома вредителей в сельском хозяйстве тот факт, что ликвидация вредителей проводится лишь закрытым порядком по линии органов НКВД, а колхозники не мобилизуются на борьбу с вредительством и его носителями». В связи с этим ЦК ВКП(б) обязывал «обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий организовать в каждой области по районам 2-3 открытых показательных процесса над врагами народа – вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы (работники МТС и райзо, предрики, секретари РК и т.п.), широко осветив ход судебных процессов в местной печати» [5, с. 137].

Районные процессы, по мнению известного западного советолога Н. Верта, должны были продемонстрировать заботу Сталина и его окружения о «маленьких людях», которых притесняют «плохие бюрократы» из числа колхозных и районных начальников, превратившиеся во «врагов народа» [1, с. 280]. Эти процессы, готовившиеся в кабинетах областных прокуроров и управлений НКВД, представляли собой образец классического политического спектакля, развязка которого была заранее предрешена [6, с. 332].

В Северной Осетии с августа 1937 г. по февраль 1938 г. состоялись пять показательных процессов по делам «врагов народа – вредителей сельского хозяйства». По сфабрикованным местными чекистами делам «вредительской организации в колхозе “Сельмаш”», «диверсантов-вредителей на Беслановском сушильном заводе», «контрреволюционно-вредительской организации в Даргавском колхозе», «диверсантов-вредителей на Эльхотовском элеваторе» и «вредителей-диверсантов в системе Наркомзема республики» [2, с. 23] было осуждено 43 человека, 28 из которых приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Несмотря на разную географию этих процессов, все они проводились по единому сценарию. Дела слушались специальной коллегией Верховного суда СО АССР и подробно освещались в газете «Социалистическая Осетия». Подсудимым предъявлялись обвинения по ст. 58 Уголовного кодекса (контрреволюционная деятельность), а главные обвинения, как правило, имели компрометирующее социальное и политическое прошлое.

Одним из наиболее крупных по количеству осужденных и тщательно спланированных стал процесс по делу «контрреволюционно-вредительской организации в Даргавском колхозе», состоявшийся 23-28 октября 1937 г. На скамье подсудимых оказалось руководство колхоза им. Тогоева селения Даргавс Орджоникидзевского района, обвиняемое в развале колхоза, дискредитации колхозного строя и срыве мероприятий партии и Советской власти на селе. Решение о проведении публичного процесса было принято бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) 28 сентября 1937 г. в соответствии со сталинской директивой от 3 августа. «Предложить прокурору республики т. Монич, – отмечалось в постановлении бюро, – в пятидневный срок закончить следствие по делу колхоза им. Тогоева и провести показательный процесс в с. Даргавс» [7, д. 934, л. 18]. Согласно фабуле начавшегося 23 октября 1937 г. судебного разбирательства, порочные колхозные начальники эксплуатировали крестьян и издевались над ними, а те были их жертвами. Обвинение строилось в основном на следующих положениях: злоупотребления служебными полномочиями (неправильное начисление трудодней, недодача продуктов и денег по трудодням, обвешивание и др.) по отношению к колхозникам, как утверждалось, совершались «спаянными между собой лицами» и с «контрреволюционными целями», с тем чтобы «восстановить колхозников против Советской власти, против колхозного строительства и ВКП(б)»; развал экономики колхоза путем расхищения значительной части урожая и колхозных денег; вредительское отношение к обобщественному скоту и имуществу. В обвинительном заключении, в частности, отмечалось: «Проходящие обвиняемые по данному делу Уртаев С., Кесаев С., Дзанагов С., Токаев С., Каллагов Х., Кудзиев М., Березов С., Уртаев Х., Цирихов Т., Дудиев М., Тибилов Д., Гутцев Н. и Бадтиев, являясь выходцами из бывших кулаков-лишенцев, раскулаченных, из бывших участников контрреволюционно-кулацко-повстанческой организации, так называемой “Народной партии” и исключенных из рядов ВКП(б) за контрреволюционную разложенческую работу, будучи явно враждебно и контрреволюционно настроенными лицами... захватив в свои руки командные и решающие участки

колхоза, в целях борьбы с Советской властью, ВКП(б) и колхозным строительством, в целях противопоставления лозунгу ВКП(б) о создании зажиточной жизни колхозникам проводили организованную контрреволюционную, вредительскую, разложенческую работу» [3]. 28 октября суд вынес приговор – шести подсудимым, в том числе председателю С. А. Уртаеву, бухгалтеру С. С. Токаеву, бригадиру С. Г. Кесаеву, завхозу Х. А. Каллагову и секретарю Даргавского сельсовета Н. И. Гутцеву – смертная казнь, остальным – длительные сроки тюремного заключения (от 10 до 25 лет). В тот же день в селах республики состоялись общие собрания колхозников, на которых выражалась благодарность партийному руководству, НКВД и советскому суду за восстановление справедливости и социалистической законности. «Мы, колхозники колхоза им. “III Интернационала”, – сообщила газета “Социалистическая Осетия”, – одобряем приговор специальной коллегии Верховного суда над шайкой врагов, орудовавших в Даргавском колхозе. Мы презираем их. Еще выше поднимем революционную бдительность. Заверяем великого Сталина, что мы еще крепче сплотимся вокруг коммунистической партии большевиков, вокруг нашего отца и учителя – великого Сталина» [4].

Дело «вредителей» из Даргавского колхоза – яркий пример трагичности судеб осетинского крестьянства 1930-х гг. и неприглядной изнанки «зажиточной колхозной жизни» в Северной Осетии. Руководителям Даргавского колхоза пришлось отвечать не только за реальные злоупотребления властью по отношению к колхозникам, бесхозяйственность, а также банальное воровство, но и за пороки сталинской колхозной системы в целом. Очевидно, фактов злоупотреблений служебными полномочиями хватало, но контрреволюционной составляющей в действиях руководства Даргавского колхоза не было.

Почему для проведения открытого показательного процесса был выбран именно Даргавский колхоз? По нашему мнению, можно выделить ряд причин: компрометирующее социальное и политическое прошлое некоторых руководителей колхоза, антиколхозные настроения части крестьян и, прежде всего, наличие серьезного компромата на председателя и его окружение. Начиная с января 1937 г. председатель Даргавского сельсовета направлял в Орджоникидзевский районный отдел НКВД сведения о неблагоприятном положении в колхозе им. Тогоева: фактах бесхозяйственности, расхищении колхозного имущества и «вредительской работе антиколхозных элементов» [8, д. 7, л. 29]. Таким образом, к моменту выхода сталинской директивы у органов НКВД были компрометирующие сведения, которые использовались для раскрутки дела руководителей Даргавского колхоза и обвинения их «в контрреволюционной вредительской деятельности».

События в Даргавсе привели к серьезной дискредитации руководства Орджоникидзевского района. Как отмечалось в постановлении бюро обкома от 28 сентября, секретарь райкома Г. М. Дзбоев и председатель райисполкома С. Д. Базров, несмотря на ряд сигналов, не приняли никаких мер по очищению руководства колхоза от «вражеских элементов», «не мобилизовали первичную парторганизацию на борьбу против антисоветского элемента» [7, д. 934, л. 18]. Оба впоследствии будут арестованы и расстреляны. В ряде обвинений, предъявленных этим руководителям, одним из главных стало обвинение в «политической беспечности», неспособности вскрыть факты «вражеской работы» в колхозе.

«Даргавское дело», так же как и другие показательные процессы, проходившие в районах Северной Осетии во второй половине 1937 – начале 1938 г., стало неотъемлемой частью осуществления «кулацкой операции» № 00447, создавая политическую атмосферу страха и истерии. Именно в подобных условиях и могли проводиться массовые аресты и расстрелы невинных людей.

Список литературы

1. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010.
2. Репрессивная политика советской власти в Северной Осетии (1920-1930-е гг.): сб. док. и материалов / сост. А. Т. Царикаев. Владикавказ: ИПО СОИКСИ, 2009.
3. Социалистическая Осетия. 1937. 30 октября.
4. Социалистическая Осетия. 1937. 1 ноября.
5. Сталин И. В. Сочинения. Тверь, 2006. Т. 18. 1917-1953.
6. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008.
7. Центральный государственный архив историко-политической документации республики Северная Осетия – Алания (ЦГА ИПД РСО – А). Ф. Р-1. Оп. 2.
8. ЦГА ИПД РСО – А. Ф. Р-312. Оп. 1.
9. Юнге М., Бордюгов Г. А., Биннер Р. Вертикаль Большого террора: история операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008.

GREAT TERROR IN DARGAVSKII COLLECTIVE FARM (FROM HISTORY OF SHOW TRIALS WITHIN NORTH OSSETIA IN 1937-1938)

Alan Takhirovich Tsarikaev, Ph. D. in History
*Department of Russian Contemporary History and Policy
North Ossetia State University
guldaeva.angel@yandex.ru*

Basing on the archival documents and the materials of periodicals, introduces into scientific circulation for the first time, the author considers the history of the show trial on the case of the so-called “counter-revolutionary subversive organization in Dargavskii collective farm” of Ordzhonikidze district of North Ossetian ASSR, and analyzes the reasons that conditioned the choice of Dargavskii collective farm leaders for conducting open trial, the role of rural authority in the fabrication of the case and its consequences.

Key words and phrases: Great Terror; show trials; “saboteurs”; limits; counter-revolutionary; collective farm.